

Блокада

Андрей Собакин

Андрей Собакин

Блокада

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26722265

SelfPub; 2017

Аннотация

Великая Отечественная война. Под Ленинградом во время блокады падает сбитый немецкий бомбардировщик. Один из пилотов захвачен в плен. Красноармейцу Бычкову даётся ответственное задание, но в силу непредвиденных обстоятельств, он идёт на сделку с совестью...

Стоял морозный солнечный зимний день. Толстый слой ослепительно белого искрящегося и уже давно никем неубираемого снега покрывал все улочки и дома посёлка. Лишь проходившая через посёлок дорога на Ленинград регулярно расчищалась, чтобы не прерывать снабжение фронта. А фронт был совсем рядом, и каждый день немногочисленные жители посёлка слышали отдалённый грохот – немецкая тяжёлая артиллерия обстреливала советские укрепления за тёмной полосой леса... Иногда грохот затихал, и тогда в наступившей тишине все с тревогой ожидали немецкого наступления... Но ничего не происходило, и скоро вновь донеслись отдалённые раскаты грома, и снова из Ленинграда на фронт тянулись обмёрзшие и заледеневшие грузовики с боеприпасами и продовольствием, а обратно – с ранеными солдатами. В центре посёлка они часто останавливались, и тогда женщины выбегали из бывшей заводской столовой, где уже давно не было никакой еды, и выносили раненым горячую воду в потрескавшихся эмалированных кружках. Воду специально подогревали в большом котле – это было единственное, что жители могли предложить своим мужественным защитникам...

Отделение милиции располагалось в полуподвальном помещении старого двухэтажного дома. Сюда они переехали уже после того, как кольцо блокады полностью замкнулось, и при очередном авианалёте здание правления посёлка было сильно повреждено разорвавшейся неподалёку бомбой.

Свет короткого зимнего дня проникал через маленькое грязное окошко под самым потолком. Посреди комнаты стояла раскалённая железная печка-«буржуйка», и поэтому было тепло. Рядом с печкой, прямо на полу, лежали приготовленные дрова, в которых среди кривых и покрытых тёмной корой поленьев угадывались также и фрагменты какой-то мебели.

В углу комнаты стоял старинный, очень сильно потрёпанный шкаф. У стены, под небольшим портретом Сталина, за накрытым зелёным сукном столом сидел милиционер средних лет с серым, осунувшимся лицом и беспокойным взглядом. На столе перед ним лежали бумаги, среди которых он суетливо пытался отыскать нужную...

Возле стола, на стуле, широко расставив ноги сидел пожилой майор НКВД в длинной шинели и усталым взглядом наблюдал за милиционером...

– Ну ладно, Семёнов... – майор НКВД вздохнул и медленно поднялся со стула – Давай, показывай своего немца.

Милиционер тут же выскочил из-за стола и поспешно направился к двери.

– Да, конечно... – торопливо забормотал он, – В камере он сидит... А то я уж совсем не знаю, что мне с ним делать. Четыре дня он уже тут у нас... Кормить его нечем – на него ничего не полагается... Допросить его я не могу – я ведь по-немецки только «Guten Morgen» и знаю, но у меня язык просто не поворачивается ему «Guten Morgen» говорить... По-

сле всего, что они натворили... А по-русски – он ну совершенно ничего не понимает... Может, если с переводчиком допросить, то он чего ценного расскажет... Всё-таки лётчик, офицер...

Семёнов шёл по тесному коридору и постоянно оборачивался к следовавшему за ним майору. Тот, возможно, совсем его не слушал и думал о чём-то о своём... Коридор освещался тусклой пыльной лампочкой свисавшей с потолка где-то в самом конце, и поэтому весь путь от отапливаемого печкой-«буржуйкой» кабинета Семёнова до камеры проходил в ледяще-холодном полумраке среди облезлых, неизвестно когда крашенных, стен. Проходя мимо открытой двери в какую-то комнату, милиционер на мгновение засунул туда голову и позвал:

– Бычков !

Майор успел заметить, что там на лавке прямо в шинели лежал какой-то солдат и, видимо, спал. Впрочем, тот тут же сел и стал добросовестно моргать ещё не совсем проснувшимися глазами.

– Пойдём, – сказал Семёнов , – Товарищу майору фрица показывать будем.

И, не дожидаясь ответа, милиционер проследовал дальше по коридору. Майор НКВД мельком взглянул на солдата и рассеянно кивнул ему. Рядовой Бычков подхватил стоявшую возле лавки винтовку и вышел в коридор, пристроившись следом за майором. У двери камеры возникла небольшая за-

минка. Семёнов достал из кармана пять или шесть ключей, которые лежали у него там россыпью, и начал их последовательно разглядывать, выбирая нужный.

– ...Бомбардировщик их наши зенитчики где-то над Ленинградом, видать, подбили, – перебирая ключи продолжал говорить Семёнов, – Дотянули аж сюда, до нас, и над посёлком с парашютами прыгнули. Двое их было. Хорошо ещё, что мои ребята быстро сориентировались и к месту посадки вовремя успели... Один как приземлился, стропы сразу обрезал и – к лесу. Но бабы наши его засекли и сказали, куда он побежал. Один мой паренёк там очень кстати оказался... Фашист отстреливаться начал, ну и... Так и застрелили его в перестрелке... Куда ж ему против нашего «ворошиловского стрелка»? А второй на крышу котельной угодил и в своём же парашюте запутался. Пока выпутывался, парабеллум вниз уронил, а потом и сам следом с крыши навернулся... Тут-то мои ребята его и взяли... Сильный был, говорят, собака – раскидывал их как котят... Но втроем они его всё-таки скрутили... Прошлись, конечно, и по морде, и по бокам, но взяли живым... А! Вот этот! – и милиционер с торжествующим видом вставил один из ключей в замок, а остальные положил обратно в карман.

Дверь камеры со скрипом отворилась, и в коридор пахнуло запахом мочи и какой-то гнили... Семёнов первым заглянул внутрь, а потом с довольным видом отошёл чуть в сторону, пропуская вперёд майора. Тот сначала увидел серый

свет короткого зимнего дня в небольшом окошке под потолком, а потом уже, опустив взгляд, – пленного немца, который сидел на полу возле стены. Заметив вошедшего в камеру майора НКВД, немец сначала несколько секунд внимательно на него смотрел, а потом, опираясь о стену, начал медленно и с трудом подниматься на ноги. Было заметно, что правую руку, согнутую в локте, он осторожно прижимал к груди и при этом старался не сгибать в колене левую ногу. На немце была перепачканная длинная красноармейская шинель без знаков различия... Пленный с заметным усилием встал прислонившись спиной к стене. Он оказался невысокого роста и довольно пропорционального телосложения. На майора смотрели серые или, скорее всего, голубые глаза. Коротко подстриженные волосы были взлохмачены и слиплись в короткие тёмные неряшливые сосульки. На лице немца виднелась уже изрядная щетина, и под левым глазом всё внимание привлекал огромный сине-чёрный синяк жутковатого вида. Нижняя губа была разбита и покрыта коричневатой коркой засохшей крови.

Майор оценивающим взглядом осмотрел пленного и, не поворачиваясь к милиционеру, коротко спросил:

– Почему на нём наша шинель?

Семёнов несколько смутившись вздохнул и запинаясь ответил:

– Куртка на нём была лётная, кожаная... Пока брали, пока сюда вели... В протоколе тоже записано... А потом про-

пала...

– Спёрли, что ли? – повернулся к нему майор.

– Никак нет! Пропала, – встрепенулся милиционер, – Сам допросить ребят хотел – кто взял... А кого сейчас спросишь? Из тех, кто его брал, считай, никого не осталось. Двое при бомбёжке погибли позавчера... Стояли в оцеплении, а потом, когда завал расчищать начали, то бомба-то и рванула... С часовым механизмом, что ли, была... Или неисправная... Не знаю... Иногда они не сразу взрываются... Двое других выжили, но сейчас в госпитале. Дали мне вот двух солдат НКВД – Бычкова и Савельева. Савельев сейчас отсыпается – ему ночью дежурить...

Немец стоял и прислушивался к разговору с безразличным выражением лица.

– Что у него с рукой? – снова спросил майор.

– Так это он, когда с крыши котельной упал... – сказал Семёнов, – Видать руку подвернул... Да и с ногой у него какая-то проблема...

– Перелом? – майор не спеша приблизился к пленному, и тот, слегка повернув голову, посмотрел ему прямо в глаза.

– Да нет, при переломе орал бы, – отозвался Семёнов, – Или стонал... А этот молчит всё...

Майор кивнул и неожиданно спросил по-немецки:

– Наме?

Немец удивлённо слегка приподнял брови и тут же ответил:

– Фохт. Александер Фохт.

– ЭсЭс? – снова спросил майор.

– Найд! Нихт ЭсЭс – Люфтваффе, – так же без задержки сказал пленный.

Майор замолчал – очевидно, на этом его позания в немецком закончились. Немец продолжал внимательно смотреть на него, видимо, ожидая ещё вопросов.

– Ладно, разберёмся... – пробормотал майор себе под нос и, повернувшись, вышел из камеры в коридор.

Семёнов закрыл дверь камеры, успев заметить, как немец снова медленно сполз вдоль стены на пол, осторожно поддерживая свою повреждённую руку. Пока милиционер возился с замком, запирая камеру, майор направился по коридору обратно. Солдат Бычков послушно дождался своего начальника, а потом вместе с Семёновым они тоже вернулись в кабинет. Майор уже опять сидел на стуле и держал в руке зелёную эмалированную кружку.

– Хотите ещё чаю? – предложил Семёнов.

– Какой же это чай? – вздохнул майор, – Вода...

– Так она же горячая, – ответил милиционер, – Вам ещё налить?

– Ладно, давай, – кивнул майор, – И что ты мне там ещё про мальчишек говорил?

Из закопчённого чайника Семёнов плеснул ему в кружку немного кипятка и кивнул мающемуся у двери Бычкову. Солдат тотчас же всё понял и подошёл поближе, попут-

но прихватив со стола ещё одну кружку серо-голубого цвета. Милиционер налил кипятка и ему. Бычков присел на табурет у двери, прислонил винтовку к стене и начал осторожно пить...

– С мальчишками тут на днях такая история вышла, – начал свой рассказ Семёнов, – Играли они недалеко от разбомбленной фабрики... Ну, или картошку пытались там изпод снега выкопать... Не важно. Вдруг видят – из леса четыре человека вышли. В белых маскхалатах, в касках зачехлённых, с оружием. Ну, ребята подумали, что это наш патруль какой-нибудь – у нас же там за полем в лесу артиллеристы стоят. Помахали им руками, а те – тоже им машут, и, вроде как, поближе подойти просят. Мальчишки подумали, что солдаты спросить чего хотят, и побежали к ним. А снег там глубокий был – особо быстро не побегаешь... Это-то их и спасло... Как только они поближе подошли – почувствовали ребята что-то не то... И оружие у тех солдат, вроде, наше было – ППШ, а вот что-то ребят всё-таки насторожило... Молчали те солдаты! Руками вроде машут, но молчат. Ну, мальчишки перепугались и – бежать. А те – обратно в лес и пропали... Я тогда сразу же сам с моими бойцами туда помчался, но уже и стемнело, да и следов никаких особых там мы не нашли...

– Думаешь, значит, немцы это были? – спросил майор.

Милиционер молча кивнул.

– Ну что ж, – вздохнул майор, – Может быть и немцы...

Фронт тут у вас рядом.

– Так что же мне делать, товарищ майор? – развёл руками Семёнов, – Нас же тут сейчас только трое: я с наганом да два солдата с винтовками – мы ж много не навоюем!

– Не одни вы тут, – устало улыбнулся майор, – Вот и мальчишки у вас не растерялись. Поговорите с местными жителями, пусть каждый поймёт насколько это важно – не терять бдительность и быть готовым к встрече с врагом. Эта история с ребятами – очень хороший пример.

– А может они того... – милиционер кивнул в сторону коридора, – Лётчика своего ищут? Сам-то самолёт где-то дальше упал, может и за линией фронта...

– Может быть и так, – согласился майор, – Ну ладно, засиделся я тут у вас...

Он поднялся со стула и поставил пустую кружку на стол. Сидевший на табуретке возле двери солдат поспешно вскочил и вытянулся по стойке смирно...

– Я заеду к артиллеристам и попрошу, чтобы они вам своими патрулями помогли, – майор поправил портупею и надел шапку, – А то, и правда, не порядок это, если фрицы через их позиции к вам тут так запросто шастают...

– Так, а с немцем-то мне что делать? – спохватившись спросил Семёнов.

– С лётчиком этим?.. – майор на мгновение задумался, – Немца в расход. Не на довольствие же его ставить...

– Как «в расход»? – растерялся Семёнов, – Может его до-

просить? Отвезти в Ленинград?

– А что это изменит? – майор остановился в дверях и посмотрел на милиционера.

Семёнов несколько замешкался и рассеянно показал на разложенные на столе бумаги:

– Я вот рапорт о его задержании написал...

– Рапорт – это хорошо, – согласился майор и вернулся к столу, – Давайте-ка мне сюда этот рапорт.

Быстро пробежав глазами по протянутому ему листку бумаги, майор положил его на стол и, взяв лежавший тут же на столе красный карандаш, быстро и чётко написал поверх текста свой приказ.

– Вот так! – сказал майор, – По закону военного времени. Привести в исполнение немедленно. Дайте этому немцу шапку – и он наверняка будет уверен, что вы его куда-нибудь ещё на допрос конвоируете...

Майор остановился возле застывшего у двери солдата.

– Вам приказ ясен? – спросил он его.

– Так точно... – немного неуверенно ответил Бычков.

– Вы, вообще, в немцев стреляли? – неожиданно спросил майор.

– Стрелял... – голос солдата немного дрогнул.

– Ну-ну, – майор покачал головой, – Отведите его подальше от домов только...

Когда майор ушёл, Семёнов не говоря ни слова убрал подписанный приказ в ящик стола и куда-то вышел. Бычков про-

водил его недоуменным взглядом. Через пару минут милиционер вернулся с потрёпанной солдатской шапкой-ушанкой.

– Ты, правда, в немцев стрелял? – спросил Семёнов поигрывая шапкой в руках, – Ты же, вроде, говорил, что на фронте не был...

– Было дело... Не на фронте... – Бычков опустил глаза, – Осенью ещё... Нас по тревоге подняли. Немцы то ли фронт прорвали, то ли десант это был... Сначала через лес напролом всем взводом куда-то бежали... Потом к реке вышли – вода не замёрзла тогда ещё... Мы залегли, а они за рекой в лесу ходили... Да я только-то никого и не видел... Солнце было – прямо в глаза... Ну и приказ – огонь...

– Попал?

– Не знаю... Далеко – видно было плохо... Пять патронов отстрелял, а потом нам сказали отходить... Вот и всё, что было...

– Да уж, повоевал... Ничего не скажешь... – сказал Семёнов, – Ладно, пошли за фрицем. Приказ ты знаешь... Ты сейчас – наше возмездие. За всех за нас... И людей наших... Только подумай, сколько невинных душ он загубил... Женщин, детей, стариков... И вроде как он тут ни при чём – сидел в своём кресле, а бомбы на наш Ленинград падали... Это тебе не пехота, когда лицом к лицу... Вот ведь мразь-то... Особо не затягивай – сейчас темнеет рано. И лучше где-нибудь у дороги, чтобы завтра утром труп забрали...

Когда дверь камеры открылась, немец снова с трудом начал подниматься на ноги. Семёнов сам надел ему на голову солдатскую шапку и жестом показал, что тому надо выходить... Лётчик едва заметно кивнул – он, похоже, и правда подумал, что его куда-то переводят...

По коридору немец шёл первым. За ним следовал Бычков с винтовкой в руках, а Семёнов замыкал шествие. Потом Семёнов зашёл в кабинет и сразу же начал подкладывать в печку дрова. Почти у самой двери Бычков спохватился и переёрнул затвор, чтобы при необходимости патрон был уже в стволе, и можно было сразу стрелять. Немец услышал лязг затвора, но никак не прореагировал – видимо, посчитал это логичной мерой предосторожности...

Бычков и пленный лётчик вышли на улицу, где вокруг искрился ослепительно белый снег и лёгкая позёмка обволакивала их ноги. Немец потихоньку шёл метрах в трёх впереди, заметно припадая на левую ногу и прижимая полусогнутую в локте правую руку к животу. Левую руку он поспешно засунул в карман шинели – было очень холодно, а никаких перчаток или варежек у пленного не оказалось. Бычков держал винтовку наперевес и тупо смотрел в широкую спину немца. «Вот ведь странно как», – неспешно размышлял солдат, – «Вроде мужик как мужик, такой же как мы... До войны встретил бы – и не подумал, что фашист...»

Шинель на немце была явно снята с убитого – слева на спине, чуть повыше поясницы, отчётливо виднелась рваная

дыра окаймлённая широким неровным чёрным пятном давно высохшей крови. «Интересно, сколько человек может умереть в одной и той же шинели?» – невольно подумал Бычков.

Он был нездешним, из деревни в Саратовской области, и поэтому ориентировался в посёлке неважно. Впрочем, Бычков знал, что если они пройдут по этой улице до конца, то выйдут на окраину посёлка, туда, где начиналось бывшее картофельной поле, а слева будут руины разбомбленной ещё летом фабрики... С начала войны немцы бомбили посёлок всего два раза: один раз в конце июля-августе, и вот совсем недавно, несколько дней назад, когда погибли два милиционера и ещё четверо жителей поселка.

... Снег поскрипывал под ногами. Пленный лётчик, сильно припадая на левую ногу, старался идти быстро, наверное, чтобы не замёрзнуть. Солнце стояло уже очень низко – короткий зимний день заканчивался. Вокруг было безлюдно и тихо...

Смутное чувство тревоги появилось у Бычкова совершенно неожиданно. Солдат даже чуть-чуть попридержал шаг, чтобы расстояние до конвоируемого немного увеличилось – вдруг тот бы решил повернуться и напасть... Шутки-шутками, а тренированный пилот, даже если и раненый, вполне мог бы уложить неопытного ополченца...

Слева и справа были высокие сугробы. Узкая протоптанная в снегу тропинка петляла посреди ни разу не расчищенной за зиму улицы... Послышались какие-то непонятные

звуки, и немец неуверенно остановился и стал смотреть куда-то вправо. Там тропинка разветвлялась на две: одна шла дальше к окраине посёлка, в другая уходила в так же занесённый снегом переулочек. Бычков подошёл ближе и увидел совсем рядом, в переулочке, какую-то непонятную борьбу. Закутанная в серый шерстяной платок женщина в телогрейке отбивалась от длинного мужчины в чёрном пальто и шапке. Тот пытался что-то у неё отнять, но женщина упорно прижимала к груди какой-то небольшой белый свёрток, невнятно что-то крича и пытаясь увернуться от нападавшего. Тот же то тянул на себя белый свёрток, то широко размахиваясь несколько неуклюже бил женщину по голове. В нескольких шагах от дерущихся, на тропинке, стояла совсем маленькая девочка, также с толстым шерстяным платком на голове и в коротком, наполовину расстёгнутом, пальтишке, из-под которого виднелись, по меньшей мере две разноцветные кофты. Ребёнок безутешно плакал, и по покрасневшемуся личику растекались сопли перемешанные со слезами.

– Отдай, стерва! Убью! – вдруг совершенно отчётливо выкрикнул нападавший.

Женщина молча в очередной раз прижала к себе свёрток и рванулась в сторону девочки. Мужчина не дал ей вырваться, но ему с трудом удалось удержать равновесие, и его шапка упала на снег. На свет появились седые взлохмаченные волосы – это был старик. Несколько секунд Бычков и немец растерянно наблюдали за схваткой, а потом солдат решительно

рванулся вперёд.

– Прекратить! Немедленно! – закричал Бычков грозно поднимая винтовку.

Впрочем, голос его прозвучал не столь твёрдо, как ему хотелось – было заметно, что молодой солдат взволнован и не уверен.

Возможно поэтому старик не отпустил свою жертву, а, словно ничего не слыша, продолжал вырывать из рук женщины свёрток. Бычков быстро приблизился к нападавшему со спины и снова крикнул:

– А ну, немедленно прекратить! Что здесь...

Он не успел закончить фразу. Старик внезапно обернулся и обеими руками схватился за винтовку Бычкова. Женщина повалилась на спину в сугроб, по-прежнему прижимая к себе заветный сверток, который вдруг развернулся и на снег выпал тёмный кусок хлеба, желтая металлическая банка каких-то консервов и что-то ещё... Бычков больше ничего не успел заметить – старик внезапно оказался сильнее. Солдат упал в снег, а старик навалился на него сверху, продолжая сдавливать ему винтовкой грудь.

– Гадёныш... – зло прошипел старик.

Бычков видел его жёлтые зубы и безумный взгляд. Винтовка медленно, но верно поднималась всё выше – к шее солдата... Краем глаза Бычков заметил пленного немца. Тот, как ни в чём ни бывало, по-прежнему стоял на тропинке и спокойно, даже с некоторым интересом, наблюдал за поедин-

ком. Рывок – и старик снова попытался сдвинуть винтовку повыше, к шее солдата. Немец пропал из поля зрения, и теперь Бычков успел заметить женщину, которая стоя на коленях снова собирала свой свёрток... Старик кряхтел, его дыхание пахло гнилью... Внезапно, вместо того, чтобы продолжать вдавливать винтовку в грудь солдата, он резко рванул её на себя. Неожидавший этого Бычков выпустил оружие из рук, но в последний момент и старик не сумел удержать его – винтовка, пролетев над всклокоченной седой шевелюрой, упала в снег где-то позади него... Бычков попытался приподняться, но тут же получил мощный удар в лоб и обессиленно повалился обратно в снег...

Солдат не знал, сколько прошло времени: несколько минут или одно мгновение. Когда Бычков открыл глаза, он увидел над собой низкое серо-стальное небо. В ушах звенело, во рту был какой-то странный железистый привкус... И вдруг он понял, почему он очнулся именно сейчас – где-то совсем рядом раздался пронзительный женский крик... Было в этом крике что-то необъяснимо жуткое, древнее, животное... Этот крик взывал напрямую к тем первобытным инстинктам, которые, как мы ошибочно думаем, в нас уже давно и навечно уснули... Бычков резко сел в сугробе и увидел, как прочь от него по тропинке поспешно ковылял старик в перепачканом снегом чёрном пальто. Седые волосы развевались на ледяном ветру. Левая рука старика была широко отставлена в сторону, а правой он плотно прижимал к тулови-

цу маленькую девочку обхватив её за шею. Ребёнок пытался шевелить ногами, которые просто беспомощно волочились по снегу. Пальтишко задралось вверх, и наружу проглядывала какая-то тёмно-зелёная кофта... Мать девочки, сразу же сорвав голос в своём безумном крике отчаяния, теперь только хрипела и кашляла безуспешно пытаясь выбраться из сугроба – схватив ребёнка, старик, видимо сильно оттолкнул женщину в сторону...

Бычков поспешно попытался встать на ноги – холодный снег обжёг его руку, на которой почему-то не оказалось варежки. Однако стоило ему лишь чуть-чуть приподняться, как всё качнулось и поплыло у него перед глазами, и он снова неуклюже завалился на бок в снег. Женщина, сидя в сугробе, беспомощно протягивала руки вслед старику, увлакивающему прочь её дочь, и уже только плакала и скулила, почти совсем по-звериному...

Когда Бычков, пересиливая головокружение, начал вновь подниматься, где-то совсем рядом с ним неожиданно резко и громко захрустел снег. Не успел солдат повернуть голову на шум, как мимо него вперёд метнулся какой-то тёмный силуэт. Бычков узнал эту рваную дыру с каймой из засохшей крови на спине шинели – двигаясь судорожными рывками и сильно припадая на левую ногу, немец догнал уходящего по тропинке старика и, схватив его сзади за шею левой рукой, повалил в снег. Девочка сразу же вывернулась из-под руки поверженного похитителя и откатилась в сторону. Со своей

повреждённой правой рукой немец не смог удержать старика под собой – тот довольно быстро сбросил лётчика с себя, а потом, вжимая его в снег левой рукой, начал озлобленно и методично наносить ему сильные удары правой...

Девочка, на каждом шагу спотыкаясь и падая в снег, устремилась назад к матери. Поднявшийся на ноги Бычков растерянно смотрел, как метрах в десяти от него безумный от ярости старик избивал немца – раненый лётчик был совсем не состоянии ему противостоять и лишь безуспешно пытался закрыться руками или отвернуться в сторону. Рядом, по-прежнему сидя в сугробе, рыдающая женщина прижимала к себе подбежавшую к ней дочку. Девочка не плакала, глаза её были широко раскрыты, и на маленьком красном лице застыло безмолвное выражение ужаса. Чуть в стороне из сугроба торчал приклад винтовки Бычкова. Солдат покачиваясь сделал к ней несколько неуверенных шагов и взял своё оружие. Сильно болела голова и подташнивало...

– Там... – прохрипела ему женщина, на мгновение отрывая руку от ребёнка и показывая туда, где старик добивал поверженного немца.

Бычков поднял винтовку и машинально расставил ноги пошире. В это момент старик повернул голову в его сторону, и занесённый для очередного удара кулак замер в воздухе. Не сводя глаз с Бычкова, старик поспешно поднялся на ноги, и тут прогремел выстрел. Даже побывав в сугробе, винтовка сработала безотказно...

Старик сначала испуганно попятился прочь, а потом повернулся, чтобы побежать, но успел сделать только два-три шага. Ноги его подогнулись, и он сначала упал на колени, а потом грузно повалился в снег лицом вперёд... Наступила тишина.

Бычков стоял на месте медленно опуская винтовку. Женщина, придерживая девочку рукой возле себя, выбралась из сугроба и нетвёрдо пошла вперёд по тропинке. Свёрток с едой она прижимала к телу другой рукой.

Когда она подошла к тому месту, где лежал немец, тот уже начал шевелиться и даже пытался приподняться и сесть. Опасливо поглядывая на лежавшего в нескольких метрах старика, женщина положила свой свёрток на снег и начала помогать немцу встать. Когда Бычков приблизился, немец уже стоял на ногах, а женщина обнимала его, периодически заглядывала ему в лицо, плакала и непрерывно повторяла:

– ...Спасибо вам, товарищ... Спасибо вам...

Девочка тоже молча стояла рядом, прижавшись к лётчику и крепко обняв его за ногу...

Выражение лица у немца было несколько отстранённое. На женщину он старался не смотреть, и, судя по всему, сосредоточенно пытался языком проверить наличие всех зубов во рту. К его синяку под левым глазом и разбитой губе добавилось несколько новых ссадин и разбитый нос. Впрочем, прежние повреждения были также заметно обновлены, и всё лицо лётчика было сильно перепачкано кровью.

– Спасибо вам, товарищ... – пробормотала женщина в очередной раз и обернулась к подошедшему Бычкову, – И вам, товарищ, спасибо... Спасибо...

Немец и Бычков коротко посмотрели друг другу в глаза. Они оба молчали, и это, видимо, показалось женщине странным – она недоумённо смотрела то на немца, то на Бычкова.

– Не товарищ он... – нехотя пробормотал Бычков слегка приподнимая ствол винтовки, которою он держал в опущенной руке, и направляя её на лётчика, – Фашист он...

Женщина, казалось, не сразу поняла услышанное. Ещё какое-то мгновение она продолжала обнимать немца, а потом резко отшатнулась от него. С расстояния пары шагов она несколько секунд внимательно разглядывала потрёпанную шинель без знаков различия, разбитое окровавленное лицо, повреждённую беспомощную руку засунутую за отворот шинели... Потом женщина решительно схватила свою дочку и одним рывком оттащила её от ноги немца. Тот стоял совершенно безучастно и даже отвернулся в сторону. С глазами полными ужаса женщина попятилась увлекая за собой ребёнка, подобрала свой свёрток со снега и, непрерывно оглядываясь, молча пошла прочь по тропинке. Очень скоро они скрылись за углом почти доверху занесённого снегом забора...

Бычков и немец снова остались одни. Короткий зимний день заканчивался, и наступали серые сумерки...

– Ну, что встал? – Бычков выразительно качнул стволом

винтовки, – Пошли!

Немец невозмутимо повернулся и пошёл дальше, обойдя по небольшой дуге старика, который лежал прямо на тропинке. Бычков проследовал за ним, так же пройдя по глубокому снегу мимо тела. Он не знал, был ли старик мёртв или только ранен, он даже не мог вспомнить, куда целился, когда стрелял... Крови, во всяком случае, не было видно. Впрочем, если старик и был только ранен, на таком морозе жить ему оставалось недолго. Солдат как можно скорее проскочил мимо. В голове у него стоял какой-то нудный непрерывный звон, поташнивало, и никаких мыслей не было, абсолютно. Хотелось просто лечь где-нибудь в тепле, закрыть глаза и расслабиться... Бычков уже не соображал, куда он вёл немца. Сначала, да, у него был план выйти к руинам разбомбленной фабрики и расстрелять лётчика там, но свернув с нужной тропинки, они пошли в другую сторону, хотя, по-прежнему, к окраине посёлка. К тому же, уже очень скоро должно было стемнеть...

– Стой! – крикнул Бычков.

Немец послушно остановился. Слева, укрытые толстым слоем снега, возвышались высокие штабеля брёвен, сложенные тут ещё до войны. Справа расстилалось обширное поле, покрытое сейчас нетронутым белоснежным покрывалом. Далеко за полем тёмнел лес.

Когда затихли поскрипывающие в снегу шаги, и вокруг воцарилась почти абсолютная тишина, откуда-то из-за леса

донеслись два едва слышных хлопка – где-то там был фронт.

Идти дальше особого смысла не было. Сначала Бычков хотел поставить немца возле брёвен – они возвышались заснеженной длинной грудой метра три-четыре высотой, и девять-десять фашисту было бы попросту некуда. Но тогда, если не сходиться с тропинки, пришлось бы стрелять с расстояния в пять-шесть шагов, а это показалось Бычкову слишком близко. Не то, чтобы он боялся, что немец мог выкинуть какой-нибудь фокус... Впрочем, были все основания этого опасаться – ведь кто бы мог подумать, что раненый лётчик смог бы так быстро побежать за тем стариком схватившим ребёнка? Теперь же, когда у немца уже точно не останется никаких сомнений, что идут они не куда-то на допрос или в тюрьму, а на расстрел – он мог решиться и на самое отчаянное сопротивление... К тому же, Бычков совсем не ощущал себя готовым вот так, глядя в глаза застрелить человека. Конечно, это был фашист, виновный, возможно, в гибели сотен мирных жителей, но... Почему-то Бычкову хотелось отдалить этот момент, хотя бы на несколько минут. То, что он совсем недавно навскидку стрелял в того сумасшедшего старика уже начало казаться ему каким-то сном. Да и было ли это на самом деле?..

– Давай туда! – Бычков решительно направил ствол винтовки в грудь немца и кивнул ему в сторону поля, – Иди! Пошёл-пошёл!

Он старался говорить громко и грозно. Немец коротко

посмотрел солдату прямо в глаза и тут же опустил взгляд. Осторожно сойдя с тропинки, лётчик, по-прежнему бережно прижимая к груди повреждённую правую руку, маленькими шажками пошёл по снежной целине. Видимо, он всё понял...

Отойдя в поле всего на несколько метров, пленный остановился и начал нерешительно оборачиваться.

– Пошёл-пошёл! Не стоять! – снова прикрикнул Бычков и, приложив приклад винтовки к плечу, прицелился.

Немец так и не успел обернуться – проваливаясь в снег почти по колени, он сделал ещё четыре-пять шагов, а потом остановился расставив ноги пошире...

«Только бы не обернулся... Только бы не обернулся...» – лихорадочно думал Бычков медленно опуская прицел винтовки с затылка немца на его спину...

Лётчик опустил левую руку и, слегка наклонившись, взял горсть снега и поднёс его ко рту. Бычков вдруг вспомнил, что не передёрнул тогда после выстрела затвор, и сейчас в патроннике была только пустая латунная гильза...

Серые сумерки сгущались уже прямо на глазах, и лес на другом конце поля становился всё чернее и непрозрачнее... Стояла удивительная тишина. Пожевав немного снега, немец с некоторым недоумением оглянулся. Солдат стоял на тропинке. Винтовки в его руках уже не было – она висела на плече стволом вверх. Немец рассеянно вытер мокрую от снега ладонь о шинель и привычно подхватил и прижал к гру-

ди свою больную правую руку. Он внимательно смотрел на солдата и, очевидно, не совсем понимал, что происходит...

– Что встал?!– зло и раздражённо крикнул ему Бычков, – Когда меня мочили, тоже, гад, стоял и пялился! Пошёл! Пошёл! Туда – да! На хрен!

Раздражённо махнув немцу рукой в сторону леса, Бычков повернулся и быстро пошёл прочь. Немец ещё несколько секунд стоял и смотрел ему вслед, а потом медленно побрёл через поле к чернеющему вдали лесу...

В отделение милиции Бычков вернулся, когда было уже темно. Самочувствие его после удара по лбу несколько улучшилось, хотя по-прежнему слегка подташнивало и сильно болела голова. Спускаясь в потёмках в полуподвальное помещение отделения, он забыл пригнуться, и поэтому сильно ударился лбом о притолоку двери. Боль на мгновение ослепила Бычкова – его шапка упала на пол, а сам он невольно вскрикнул... Где-то в глубине тёмного коридора послышался шум, а потом в свете тусклой лампы при входе появился милиционер Семёнов.

– Кто тут? А-а-а, это ты, Бычков... – увидев солдата, Семёнов заметно расслабился, – В дверь что-ли не вписался?

Милиционер собрался было повернуться и снова уйти в свой кабинет, но заметил шишку на лбу у Бычкова и остановился:

– О, как припечатался! Ты бы щас на свою морду посмотрел – такая блямба!.. Подушку вам к притолоке привязать,

что ли?.. Что б не бились... Мне ещё не хватало, чтобы у меня дверь бойцов из строя выводила...

Бычков молча нагнулся и подобрал шапку.

– Пошли! – коротко сказал ему Семёнов и направился вглубь коридора.

Вернувшись в свой кабинет, милиционер подбросил в печку пару деревяшек, а потом, грузно обойдя стол, сел на стул и выдвинул нижний ящик...

– Как с фрицем-то? – спросил Семёнов не глядя на Бычкова.

Тот промолчал, и милиционер после небольшой паузы поднял на него глаза:

– Готов?

Бычков снова промолчал и только кивнул.

Семёнов непонятно хмыкнул и начал рыться в ящиках стола. На свет снова появился рапорт о задержании немецкого пилота с резолюцией-приказом майора НКВД. Покрутив бумагу на столе, Семёнов взял химический карандаш и, послунявив кончик, приписал снизу: «Приведено в исполнение». Снова послунявив карандаш, милиционер приписал дату и расписался.

Потом он посмотрел на Бычкова, который всё ещё топтался у двери, и, вернувшись к нижнему ящику стола, достал бутылку и гранёный стакан. Плеснув в стакан пару сантиметров водки, милиционер протянул его Бычкову.

– Давай... Выпей вот... Всё нормально...

Солдат нерешительно подошёл и, взяв стакан, почти одним глотком всё выпил.

– Ладно, – сказал Семёнов, – Давай спать иди, герой – я за тебя додежурю. Да и Савельев уже скоро заявиться должен.

Бычков рассеянно кивнул и вышел из комнаты...